

О ЛЕОНИДЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ БАРАТОВЕ

100-летию со дня рождения Л.В.Баратова

был посвящен спектакль "БОРИС ГОДУНОВ" 22 апреля 1995.

В главной партии Владимир МАТОРИН

"Слушай, Боб! (Он звал меня "Бобом"). Я хочу с тобой посоветоваться. Помнишь моего ученика в ГИТИСе Левку Михайлова? Он хорошо работает в Новосибирске. Думаю вызвать его в Москву и передать ему свое место".

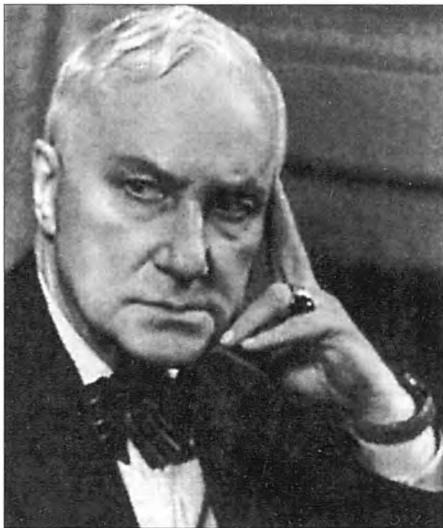
С такими словами, встретив меня на углу Столешникова и Большой Дмитровки, обратился ко мне тогда уже многоопытный, авторитетнейший режиссер музыкального театра Леонид Васильевич Баратов.

В то время он был руководителем Театра имени К.С. Станиславского и Вл.И.Немировича-Данченко. Он вернулся туда, проработав долгое время в Большом театре, Мариинском, в Свердловской опере. Воспитанник школы Художественного театра, он был рожден для оперы. Уже в 1926 году он — главный режиссер Музыкального театра Немировича-Данченко. Когда у его коллег закружилась голова от сенсационного успеха в Америке 1925 года, вернуть остатки труппы в Москву выпало на долю Леонида Васильевича. Надо было проявить огромную волю, энергию, влюбленность в дело, чтобы восстановить творческий импульс коллектива, получить для него здание на Большой Дмитровке (помните об этом, ныне беспечно входящие в здание артисты, пользующиеся удобством и престижностью своего "места службы"). Вернуть, наконец, своего мэтра, вырвав его из рук... Голливуда!

Театр возродился, воспрянул, что, увы (по русско-му, парадоксальному обычаю!), стало причиной рождения в театре такой обстановки, от которой труженик-энтузиаст вынужден был бежать. Его "приютил" Большой театр. Это была счастливая находка!

Работа Л.В.Баратова в Большом театре — разумная и тактичная прививка школы Художественного театра к помпезно-торжественному костюмированному концерту (по выражению М. Балакирева). В то время все понимали, что без такой прививки знаменитый театр утонет в пошлости.

Работа режиссера Баратова в "большой опере" — важный этап в развитии этого искусства. От "Бориса Годунова" до "Евгения Онегина", от "Турандот" до "Псковитянки", от "Князя Игоря" до "Никиты Вершинина", "Сорочинской ярмарки", "Мазепы" — все значительно. Здесь он был признанным авторитетом. Когда в 1937 году я провел свою первую оперную репетицию в провинции и вдруг неожиданно услышал в



конце ее аплодисменты пятидесяти участников, я растерялся. Однако до меня долетела фраза, брошенная кем-то из хора: "Да он почти как Баратов!" Тут я сразу понял, что состоялась как оперный режиссер.

Было время, когда я работал в Большом театре при главном режиссерстве Баратова; было время, когда он работал там под моим "началом". Это ничего не меняло. Важнее быть лучшим, чем главным. Такт, уважение, понимание и расположение к коллегам — этому я учился у Баратова.

В 50-е годы Леонид Васильевич снова в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Работал успешно и ...подумывал о смене ("Послушай, Боб, я хочу с тобой посоветоваться..."). Смена была достойной!

Мы же с Леонидом Васильевичем регулярно встречались в ГИТИСе, где работали профессорами на одной кафедре. Он был отличным педагогом. У него были острый язык и ясный ум. Любил предстать грозным, а в сущности говорил, был добрым человеком. Как много он сделал для искусства и для нас! Как хорошо, что он был!

Борис ПОКРОВСКИЙ

Фото Б.ФАБИСОВИЧА

("Вечерняя Москва", 1995, 6 апреля)

Полетел театр - 1995 - май (срок 219) - с. 7.